

рука об руку с пролетариями. Но раз они оказались у власти, они уже думали только о создании «средней партии», стоящей на полпути между крайними и контрреволюционерами. Тогда они уже стали обращаться с представителями стремлений народа к равенству как с врагами. Они парализовали все их попытки организации в секциях и в Коммуне и раздавили их.

Дело в том, что вообще монтаньяры за весьма редкими исключениями даже не понимали нужд народа так, как это нужно было, чтобы стать партией народной революции. Человек из народа, с его нуждами, с его полуголодной семьей и с его еще смутными и неутвердившимися стремлениями к равенству, был для них чужим человеком. Их, выросших на идеалах древнего Рима, гораздо больше интересовал отвлеченный индивидум - член будущего демократического общества.

За исключением немногих, более крайних монтаньяров, комиссары Конвента, когда они приезжали в провинциальный город, мало интересовались вопросами труда и благосостояния народа или же равенством в пользовании наличными богатствами. Их послали, чтобы организовать отпор иностранному вторжению и поднять патриотический дух, и они действовали как чиновники демократии, для которых народ являлся элементом для осуществления видов правительства.

Если они шли прежде всего в народное общество этого города, то они делали так потому, что муниципалитет был «заражен аристократизмом» и народное общество должно было помочь им «очистить муниципалитет», чтобы организовать народную защиту и арестовать или казнить изменников.

Если они налагали тяжелые налоги на богатых, то они делали это потому, что богатые, «зараженные духом коммерции», сочувствовали фельянам или федералистам (т. е. жирондистам) и помогали неприятелю. Еще и потому, что, взыскивая эти налоги, они находили средство кормить и обувать солдат¹.

Если они «провозглашали равенство» в каком-нибудь городе и запрещали печь белый хлеб, заставляя всех есть черный хлеб или хлеб из бобов, то это было опять-таки для того, чтобы кормить солдат. И если комиссар Комитета общественного спасения организовал народный праздник, а потом писал Робеспьеру, что соединил гражданским браком столько-то гражданок с молодыми патриотами, то опять-таки его больше интересовала сделанная им пропаганда военного патриотизма.

Поэтому, когда читаешь письма, адресованные Конвенту его комиссарами, невольно поражаешься, находя в них так мало по вопросам, более всего интересовавшим крестьян и городских рабочих. Из 20 комиссаров только двое или трое интересовались ими².

Так, например, Конвент уничтожил, наконец, феодальные права и приказал сжечь все бумаги, касающиеся этих прав, причем уничтожение актов производилось, однако, весьма неохотно. Он позволил также сельским общинам вернуть себе мирские земли, отобранные у них под различными предлогами за последние 200 лет. Очевидно, что ускорить эти меры, привести их в исполнение на местах было бы лучшим средством пробудить в народе широкие симпатии к революции. Но в письмах комиссаров почти ничего не встречается по этому предмету³. Что же касается до чрезвычайно интересных писем молодого Жюльена, адресованных Комитету общественного спасения и его другу, и покровителю Робеспьеру, то он только один раз упоминает, что велел сжечь феодальные записи⁴. Об этом случайно упоминается также у Колло д'Эрбуа⁵.

Даже когда комиссары Конвента говорят о жизненных припасах, а им часто приходится о них говорить, они не касаются сущности вопроса. Есть только одно письмо, Жанбона Сент-Андре, от 26 марта 1793 г., которое составляет исключение; но и оно написано ранее 31 мая. Позднее Жанбон тоже

¹ Федералистами называли жирондистов, потому что они хотели разрушить преобладание Парижа и побороть революционный дух его населения.

² Эти письма даны в *Recueil des actes du Comité de Salut public*, publié par A. Aulard, v. 1–21. Paris, 1889–1911; см. также: Legros *La Revolution telle qu'elle est... Correspondance du Comité de Salut public avec ses généraux*, v. 1–2. Paris, 1837.

³ Письма, напечатанные в вышеупомянутых сборниках Олара и Легро, полны живого интереса во всех отношениях; но я напрасно искал в них следов деятельности комиссаров в этих двух направлениях. Только Жанбон Сент-Андре, Колло д'Эрбуа, Фуше и Дюбуа-Крансе затрагивают иногда большие вопросы, интересующие крестьян и рабочих; может быть, существуют другие письма комиссаров, мне неизвестные; но вообще можно сказать, что громадное большинство комиссаров этими вопросами не интересовалось.

⁴ Lockroy E. *Une mission en Vendée*. Paris, 1893.

⁵ *Recueil des Actes du Comité de Salut public...*, v. 5, p. 505.